

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П68

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

Прюдон, Стелла.

П68 Дедейме : [роман] / Стелла Прюдон. — Москва : Эксмо, 2019. — 160 с.

ISBN 978-5-04-099869-2

...мама — первое слово, которое мы говорим. Когда тебя отняли у мамы, но ты продолжаешь каждый день видеть ее и называть сестрой, что ты почувствуешь? И что ты сможешь сделать, если таков обычай твоего народа?

Душераздирающий, бьющий в самое сердце роман Стеллы Прюдон о горских женщинах отзывается в сердце буквально каждого, словно написан о нем.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099869-2

© Прюдон С., текст, 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

1

Ее разбудил сон, смысла которого она не понимала. Мать с отцом кружатся в дагестанском танце, потом отец, увидев ее, кричит музыкантам: «Лезгинку давайте! Сейчас Шекер покажет, как она танцует». Когда Шекер вышла танцевать, вокруг танцплощадки столпилось очень много людей. Все смотрели на нее и смеялись, и вдруг кто-то бросил: «Она голая, она голая!» Оглянувшись, Шекер поняла, что на ней и вправду нет одежды. Отец как будто не замечал ее наготы и требовал, чтобы она продолжала танцевать. Зато мать стала возмущаться: «Почему ты голая? Как тебе не стыдно!»

Шекер вскрикнула и проснулась. Было еще очень рано, поэтому она какое-то время лежала в постели с открытыми глазами, рассматривая затейливые узоры на обоях, а потом встала и подошла к зеркалу. Они приедут через восемь часов, а если повезет — раньше! Тогда и решится вся ее жизнь. От мысли

Стелла Прудон

об этом у нее колотилось сердце. Как долго она их не видела! Сказать, что она соскучилась, все равно что ничего не сказать. Но в своей тоске она не могла признаться никому. Ханна вспыхивала от одного только намека («сколько волка ни корми, все равно в лес тянется»), а Натан в угоду жене называл ее неблагодарной свиньей.

Много лет она скрывала свои чувства. Это была тайна, разъедающая изнутри. Ее нельзя было выпустить на свободу, но она не могла просто взять и забыть о ней. Слишком пленительной была надежда, слишком больно было ее убивать. Шекер затаилась и никак не проявляла своих чаяний. Но наедине с собой она каждый день мысленно разговаривала с ними: рассказывала, объясняла, доказывала и умоляла до тех пор, пока они наконец ее не поймут. В фантазиях они то понимали ее с полуслова, соглашались, заключали в объятия и уводили в новую жизнь, то грубо пресекали разговор и отворачивались. Шекер не понимала еще со всей ясностью, как они отреагируют, поэтому не решалась заговорить. Но две недели назад она приняла решение открыться, и будь что будет — терять ей больше нечего. Критически посмотре-

Дедейме

ла на себя в зеркало, увидела выскочивший на носу жирный прыщ и с ненавистью его выдавила.

Шекер себе не нравилась: пухлые щеки, маленькие глаза, пористый нос, узкий прыщавый лоб, полноватые короткие ноги. И только волосами, роскошными русыми волосами, доставшимися по наследству от мамы, она гордилась. На солнце они были нежно-золотые, а в тени – цвета молодого каштана; распущенные – доходили до бедер, а заплетенные в косу – до пояса. Шекер очень любила расчесываться, и это было больше, чем приведение себя в порядок.

Она расплела косу и посмотрела в зеркало: а может, оставить распущенными к их приходу? Может, не стоит заплетать? Тогда у них просто не останется выбора: они не смогут не полюбить ее.

– Зачем косу распустила?

От внезапности Шекер вздрогнула. Она не слышала, как мать подошла к ее комнате.

– Я расчесываюсь, – ответила она, покраснев.

– Давай быстрее. Заплетай косу и иди Цыгана загоняй. Работы много, некогда прохлаждаться.

В обязанности Шекер входило вставать раньше всех и загонять Цыгана после ночного дежурства в

Стелла Прудон

вольер. Цыган – любимая собака отца: на его счету четыре пойманных грабителя. В их богатом доме вольеры были частыми гостями: достаток семьи хоть и не афишировался, но был известен всему городу. Постарев и потеряв остроту слуха и зрения, Цыган «вышел на пенсию»: переселился на задний двор, перестал нести службу и стал просто любимым псом. Ему заказали теплый вольер с деревянным полом и будкой, и Натан сам лично кормил старую овчарку. На место Цыгана в центральном вольере, стоящем прямо перед домом, поселился его сын – двухлетний Мухтар, предварительно пройдя годичную подготовку у тренера сторожевых собак.

Выйдя на крыльцо, Шекер зажмурилась от яркого света и закрыла глаза рукой. Во дворе громоздились деревянные столы и лавки, вынесенные накануне из сарая. Сегодня их ровной шеренгой поставят под навесом, помогут, накроют скатертями, разложат приборы и посчитают количество посадочных мест. Отцу исполняется семьдесят, и поздравить его приедут не меньше ста человек.

Шекер сняла с ограды крыльца собачий ошейник и прошла мимо сооружений из столов и лавок.

Де дей ме

Проходя по асфальтовой дорожке в глубь сада, она увидела, что в нескольких местах земля перерыта и комья земли разбросаны по асфальту. Она сразу поняла, в чем дело.

— Мухтар! — закричала Шекер и услышала шуршание гравия. Это, высунув язык, бежал Мухтар. — Ты зачем это делаешь, глупый пес? — спросила она строго и слегка шлепнула его рукой по шее. — Если будешь закапывать кости в саду, я посажу тебя на цепь! Иди на место! — Мухтар послушно побежал в свой вольер.

Вдоль высоких трехметровых ворот с облупленной голубой краской росла малина. Летом ее было много, и многочисленные внуки Натана и Ханны совершали ежедневные набеги на кусты. Но даже после этого ягод хватало на варенье. Чуть поодаль от малины, обвивая металлическую сетку, вился виноград. Его выращивали не столько ради плодов, их было не очень много, сколько ради листьев для долмы. Во втором и третьем рядах была посажена черная смородина, несколько грушевых и яблоневых деревьев, помидоры, огурцы, морковь и зелень.

Обогнув дом и обойдя весь сад, Шекер почувствовала неладное. В последнее время найти Цыгана

Стелла Прудон

становилось все сложнее, он перестал отзываться на свое имя. Шекер считала, что не стоит выпускать его на ночь. Пес, хоть и выходил из вольера, после нескольких ленивых шагов искал убежища где-нибудь в тихом углу двора, под деревом или вдоль забора в кустах винограда. Но Натан не хотел менять привычного распорядка, и она не могла ослушаться. Шекер подошла к вольеру Цыгана: миска с едой стояла нетронутой. Заглянув в будку, она побледнела.

– Цыган... – имя пса повисло в пустоте.

Когда Шекер вернулась из сада, дом уже проснулся. Она прошла мимо машин к вольеру Мухтара и закрыла его на щеколду. По ее щекам текли слезы.

Ханна стояла на крыльце в цветастом байковом халате и повязывала платок.

– Кто умер? – спросила она, увидев слезы.

В их семье слезы были большой редкостью и неизменно пресекались строгим «хватит реветь, никто не умер!»

– Мама... Мне кажется, Цыган умер... Он лежит в будке и не шевелится...

Шекер говорила бессвязно, слезы душили ее.

Дедейме

– Тихо, тихо. *Вессе!*¹ – Мать строго посмотрела. – Иди умойся и вытри слезы. У отца праздник, он не должен расстраиваться. Завтра скажем ему, сегодня не говори.

Из летней кухни вышла Эрке. Она пришла помогать самой первой, так как жила по соседству. Ханна подозвала Эрке, отвела ее в сторонку и стала ей что-то говорить. Та ахнула, а затем понимающе закивала головой («да, мама, конечно, мама»), велела своей дочери Мине помогать бабушке и куда-то ушла.

---

¹ Хватит! (*Здесь и далее – перевод с горско-еврейского.*)

2

На кухне кипела работа. За большим дубовым столом, покрытым красно-белой в горошек клеенкой, чистила картошку Митрофановна. Вообще-то ее звали Елена Митрофановна, но все обращались к ней просто по отчеству. В семье Савиевых она жила тридцать лет. Пришла нянчить третьего сына Ханна и Натана и осталась навсегда. Теперь это была ее семья. «Ты мой самый старший *духтер*¹!» – шутя говорила ей Ханна. «Ханночка, я не могу быть твоей дочерью, я же старше тебя!» – на полном серьезе отвечала Митрофановна. Все смеялись, Митрофановна не обижалась. Со временем она выучила язык и историю горских евреев и охотно делилась с детьми своими знаниями.

Митрофановна чистила картошку, Шекер и Мина нарезали ее брусьями.

---

¹ Девочка, дочь

Дедейме

– Митрофановна, а почему мы – горские евреи? – спросила Мина. – Разве есть еще лесные или пустынные евреи?

– Очень давно, – начала свой рассказ Митрофановна, – евреи были вынуждены бежать из Израиля. Некоторые из них пошли на Запад, и их языком стал идиш, а некоторые – на Восток, в Иран. Те, что пошли на Восток, стали говорить на персидском языке, на котором говорят твои бабушка и дедушка.

– А бабушка и дедушка тоже пришли из Ирана?

– Нет, они родились в Дагестане. А из Ирана пришли их далекие предки. Тысяча пятьсот лет назад иранские евреи попали в рабство и были пригнаны на Восточный Кавказ. Там они должны были строить крепость. С ними обращались очень плохо, поэтому многие бежали и прятались высоко в горах. Там у них постепенно наладилась жизнь, но горские евреи всегда держались отдельно от других народов. – Митрофановна разделила нарезанную Миной картошку на две части, маленькую и большую. – Вот это, – показала она на маленькую горку, – горские евреи. А вот эта большая гора – другие народы. Горские евреи